

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М69

Компьютерный дизайн обложки
Екатерины Елькиной

Михалкова, Елена Ивановна.

М69 Бумажный занавес, стеклянная корона /
Елена Михалкова. — Москва : Издательство
АСТ, 2019. — 352 с. — (Идеальный детектив).

ISBN 978-5-17-115849-1

Асе Катунцевой можно только позавидовать: выиграла не просто ужин с кумиром всей страны, а еще и в кругу звезд первой величины!

Кто же знал, что вечеринка, начинавшаяся так хорошо, закончится убийством, а блистающий мир шоу-бизнеса, стоит взглянуть на него попристальной, покажет ей свои самые неприглядные стороны. Да еще в скандал внезапно оказывается замешан частный детектив Сергей Бабкин. Вдвоем с Макаром Илюшиным им придется погрузиться в расследование, чтобы осколки стеклянной короны, соскользнувшей с головы поп-идола, не поранили тех, кто ни в чем не виноват.

Какие тайны оберегают от посторонних глаз любимцы публики? Действительно ли жизнь звезд так беззаботна и радужна, как кажется из зрительного зала? И что скрыто за богато украшенным бумажным занавесом?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-115849-1

© Михалкова Е., 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Все персонажи являются вымышленными,
любое совпадение с реально живущими
или жившими людьми случайно

ГЛАВА 1

1

«Как прекрасно начинается день», — подумал Сергей Бабкин. И сразу постарался выкинуть эту мысль из головы, потому что подобные мысли — верный способ спугнуть всё хорошее и приманить на его место что-нибудь сомнительное и несимпатичное.

Телефон негромко исполнил «Шутку» Баха.

— Здравствуйте, Игорь Васильевич, — весело сказал Илюшин. — Рад вас слышать.

И ведь действительно рад, подумал Бабкин.

Сам Сергей считал Игоря Перигорского существом загадочным и жутковатым, вроде богомола. Формально Перигорский был управляющим пейнт-клуба «Артемида». Фактически же он играл роль господ бога на территории в двадцать гектаров и отдавался своему занятию со страстью, которую трудно было заподозрить в этом невозмутимом сухопаром человеке с бесконечно длинными руками и огромными полукружьями коричневых век.

— Само собой, Игорь Васильевич, — спокойно сказал Макар, выслушав собеседника. — Я ваш должник, вы же знаете.

И вот тут бы Сергею насторожиться. Задуматься бы Сергею, зачем понадобились могущественному Перигорскому два частных сыщика, когда он из тех людей, у которых на посылках служит золотая рыбка и считает за честь, если к ней обращаются напрямую.

Но Бабкин слушал вполуха, размышляя о том, что у жены скоро день рождения и совершенно неясно, что ей дарить. Духи? Кольцо? При мысли о выборе подарка его охватывала экзистенциальная тоска.

— Ему нужны именно частные детективы? — спросил Илюшин в трубку. — Ах, вот как. Без проблем. Пусть приходит.

«Кольцо, — думал Бабкин. — Оно должно быть простое? Или с камнем? И если с камнем, то с *каким?*»

— И вам, Игорь Васильевич. Всего!

Илюшин отложил телефон и устремил на Бабкина задумчивый взгляд.

— Похоже, у нас новый клиент.

Мой друг — бизнесмен, объяснил Перигорский. Уважаемый человек у себя в Казани.

А у друга сын. Певец. Хороший мальчик. У него возникли сложности с администратором. Надо помочь.

— Не понимаю, чего от нас хотят, — ворчал Бабкин, колдуя над джезвой в ожидании клиента, который должен был вот-вот явиться. — Сложности с администратором? Перевожу: воруют. И чем мы можем помочь?

Илюшин отхлебнул кофе и поморщился.

— Серега, я не мог отказаться. После того, что Перигорский сделал для нас в Венеции, мы возьмемся расследовать даже пропажу его хомячка¹.

---

¹ О расследовании в Венеции рассказывается в детективе «Охота на крылатого льва».

— Чего тут расследовать, — фыркнул Бабкин. — Сам же Перигорский его и съел.

В прихожей на мелкие трели рассыпался звонок.

— А вот и сынишка! — Макар поставил чашку на подоконник. — Смотри, не пугай мне мальчугана!

Бабкин направился в прихожую. Надо сказать, даже в эту минуту его не мучило дурное предчувствие. Тучи не сгущались, паркет не дрожал под ногами. И дверь он распахнул, отчасти витая мыслями в тех облаках, где его жена примеряла кольцо и расцветала в благодарной улыбке.

А распахнув, немедленно с этих облаков рухнул.

Перед ним стоял известный всем подросткам певец Джоник и хмуро крутил на пальце золотую печатку величиной с пельмень.

— Хай! — буркнул Джоник. — Ты Илюшин?

— Нет.

— Тогда подвинься.

С этими словами юный рэпер протиснулся мимо Бабкина и прошел в глубь квартиры. А Бабкин остался стоять, ощущая себя так, будто его хлопнули по носу мухобойкой.

В оправдание Сергея следует сказать, что у большинства людей, пообщавшихся с Джоником даже очень недолгое время, возникало похожее чувство. У некоторых оно сопровождалось обонятельными галлюцинациями. Нос упорно подсказывал владельцу, что он наступил в кучу дурно пахнущей субстанции.

Тем удивительнее, что сам Джоник при первом знакомстве вовсе не производил впечатление человека, способного вызвать столь удивительный эффект. Это был пухлогубый юноша с выразительными темными глазами и несколько детскими, размытыми чертами лица. Рост — средний. Голос — гнусавый с хрипотцой.

И этим гнусавым с хрипотцой голосом Джоник читал рэп. Песню «Мой дом — трущобы» крутили дважды в день на «Общем радио». А с хитом «Я твой волк, ты моя зая» Джоник забрался на вершины чарта и сидел там все лето, попирая соперников пухлой ножкой.

Официальная легенда гласила, что Джоник — дитя подворотен. Бастард и нищета. Пел на улицах, чтобы заработать на плесневелую горбушку. Дважды попал в тюрьму за драки и воровство (сингл «Я на нары не вернусь»). Бродяжничал, разгружал вагоны, спал в коробках и ел то, что сам выловит в канале имени Москвы.

Согласно общепринятой версии, жизнь Джоника сделала крутой вираж, когда «Бентли» одного очень известного продюсера заглох в пробке на Тверской и незадачливый владелец был вынужден спуститься в метро.

Там-то в переходе он и услышал песни юного рэпера.

До самого утра продюсер сидел на заплыванном полу и внимал, забыв обо всем. А с первыми лучами солнца робко приблизился к охрипшему певцу и предложил многомиллионный контракт, гастроли по всей стране и славу короля русского рэпа.

И «Бентли». Раз уж тот все равно был дефектный.

С тех пор Джоник стал кумиром миллионов. Во всяком случае, так он утверждал. Даже хотел поменять фамилию на Кумиров, но кто-то его отговорил.

— Рэп — это голос новой России! — орал Джоник со сцены. — Той России, где нет черномазых, понаехавших и всяких извращенцев!

В зале бурно аплодировали.

— Братья! Будьте сильными! Будьте, как я!

Слушатели одобрительно ухали и старались быть, как Джоник.

Свою мужественность певец подчеркивал всеми доступными средствами. Во-первых, брился наголо, оставляя на макушке хохолок, как у ананаса. Злые языки утверждали, что новая стрижка придает Джонику сходство не с армейским старшиной, а с печальной обезьянкой, завалившей тест на интеллект. Но добрые языки называли их за это мерзавцами, подонками и завистливыми ублюдками.

Во-вторых, носил камуфляж. Широченные штаны, которые Джоник слегка приспускал, бутсы на два размера больше, куртки с тысячей карманов. И поверх этого маскировочного комплекта партизана, засланного в тыл врагу, болтались гроздь золотых цепей толщиной с откормленного удава.

В-третьих, с неукротимым пылом, свойственным молодости, Джоник гробил и клеймил современную эстраду. «Ваши поп-кумиры — ложные идолы! — твердил он во всех интервью. — Они насилуют народный мозг!»

Журналиста, который однажды имел неосторожность поинтересоваться, какой экзекуции подвергает народный мозг песня Джоника «Две ноздри», рэпер вышвырнул из своей гримерки.

Не сам, конечно. Руками охранников.

И разумеется, поклонницы. «Толпы баб вожделяют мое мускулистое тело! — пел рэпер, похлопывая себя по нежному белому брюшку. — Камон, детка, не притворяйся, что ты меня не хотела!»

Подтверждая имидж самого брутального певца России, Джоник менял подруг быстрее, чем они успевали осознать, рядом с каким великим человеком им повезло находиться. Предпочтение отдавал блондинкам. «Бабы — моя слабость», — каялся певец в камеру. На одной такой слабости он в конце концов и женился. Молодая супруга была победительницей одного из

московских конкурсов красоты. «Я знаю, что я секси, — тянула она детским голоском. — Поэтому мой Джоник меня и выбрал». Как и положено настоящему мужику, свою подругу Джоник время от времени поколачивал и таскал за белокурые косы. После семейных сцен она появлялась, гордо сверкая синяком, точно орденом, заслуженным в кровопролитных боях. «Пока бабу не поучишь жизни, она будет дурная», — делился певец открывшейся ему мудростью предков.

И этот человек в данную минуту развалился в илюшинском кресле, широко расставив ноги, и мычал что-то невнятное.

Бабкин избавился бы от наглеца в три секунды, но выражение лица Макара его остановило. Илюшин развлекался. А если Илюшин развлекался, Бабкину оставалось исполнять роль молчаливой галлюцинации.

— Попробуйте рассказать все с самого начала, — с издевательской вежливостью предложил Макар.

— Слышь, а я чо делаю? — Джоник нервно побарабанил пальцами по подлокотнику.

— Изображаете корову? — предположил Илюшин.

Джоник уставился на него мрачным бараньим взглядом, перед напором которого пали бы даже новые ворота. Но Макар при желании умел выглядеть простодушным, как молодой укроп.

— Это все Андрюха, — выдавил рэпер. — Решетников. Администратор мой.

— Та-ак, — поощрительно протянул Илюшин. — И что с ним?

Джоник поморщился. Джоник скривил рот. Джоник изобразил лицом безмерное отвращение, которое вызывало у него поведение администратора Решетникова.

— Кажись, у него кто-то появился.

— Где появился?

Рэпер закатил глаза.

— Да елы-палы... Роман у него!

— Ага, — сказал Макар. — Роман. У вашего администратора.

— Ну. Тварь рогатая!

Илюшин с Сергеем переглянулись, и Бабкин ощутил смутное удовлетворение, уловив растерянность в глазах Макара. Похоже, перед этой задачей пасовал даже могучий интеллект его напарника. Макар не понимал, каким образом роман неизвестного ему администратора становится проблемой рэпера Джоника.

О чем и сообщил их гостю.

Юноша поглядел на Макара с презрительной жалостью.

— Вроде говорили, ты умный, — гнусаво протянул он. — А не похож.

— Мимикрия, — заверил Илюшин.

Джоник не обратил на его слова внимания.

— Если у него роман, это чего значит? Это он, сука, мне изменяет, что ли? Да я его за это...

И юноша экспрессивно описал те муки, на которые он обрек бы несчастного Решетникова.

— Изменяет? — ошеломленно повторил Бабкин, забыв о своей роли молчаливой галлюцинации.

«Минуточку. Что значит — изменяет?»

Джоник покосился на него.

— Чо, тоже тупой? Этот урод кого-то себе нашел. У меня нюх на такие вещи!

«Две ноздри», — не к месту вспомнил Бабкин.

— Я его, шваль такую, на помойке подобрал. Из грязи вытащил, как котенка. Где бы он был, если б не я? И вот чем он платит! Да за такое...

Джоник разразился матерной тирадой и пнул кресло.

— Э-э-э-э... — озадачился Макар. — Ситуация, бесспорно, трагическая. Сочувствую и все такое. Но мы-то чем можем помочь?

Юноша криво усмехнулся.

— Что, реально не сечешь?

Он подался вперед, и все цепи угрожающе звякнули, словно обещаая длительное заключение в кандалах.

2

«Забудь и думать», сказал Бабкин.

«Никогда», сказал Бабкин.

«Я лучше сдохну», сказал Бабкин.

Макар терпеливо выслушал около десяти вариантов отказа и вернулся к тому, с чего начали:

— Серега, у нас нет выбора. Мы подписались на это сокровище с ноздрями.

— Я не подписывался!

— Еще как подписывался. Когда принимал помощь Перигорского.

— Если бы меня предупредили, что в ответ я должен буду выслеживать чьего-то любовника, я бы послал его помощь знаешь куда?

— Догадываюсь, — кивнул Илюшин. — Но, как поется в известной песне, фарш невозможно повернуть назад, и мясо из котлет не восстановишь.

Бабкин сел на пол и с трудом подавил желание схватиться за голову и начать раскачиваться.

— Ты хоть понимаешь, куда меня отправляешь?

— Сливки гламура! — пообещал Макар. — Лучшие люди нашей эстрады!

— Паноптикум, — отрезал Бабкин.

— Хоть повеселишься.

— Кто в армии служил, тот в цирке не смеется. Слушай, — он поднял на Макара страдальческий взгляд. — Почему бы тебе самому за это не взяться?

— Я не похож на телохранителя, — вздохнул Илюшин. — И это предмет моих бесконечных сожалений. То ли дело ты, мой широкоформатный друг.

— Врезать бы тебе, — с тоской сказал широкоформатный друг. — Да ведь не поможет.

По паркету разбегались солнечные зайчики и в эту минуту казались Бабкину самыми ехидными существами на свете, не считая его напарника. Дразнятся, сволочи! Им хорошо. Им свобода. Беги куда хочешь, пляши себе хоть на стенах, хоть на потолке. А ему предстоит заняться унизительной работой. На которую он в жизни бы не согласился, если бы не Илюшин.

— Выслеживать чужого любовника, — с отвращением сказал Бабкин. — Что может быть хуже.

— Выслеживать своего? — предположил Илюшин.

Но Сергей не слушал.

— Самый brutальный певец российской эстрады! — с невыразимым сарказмом протянул он. — «Бей извращенцев!» «Очистим наши ряды от гомосеков!» Тьфу!

Бабкин протянул руку за чашкой и одним глотком влил в себя остывший кофе.

— Вот объясни мне, зачем это всё? — потребовал он. — Никто ведь не просит от него резать правду-матку и публично признаваться в своих склонностях. Но зачем так нагло врать?

Илюшин снисходительно покачал головой.

— Серега, ты как ребенок, ей-богу. Полагаешь, Джоник зарабатывает тем, что продает свои песни? Нет. Он продает себя. А та аудитория, которая его слушает, охотнее всего клюет на лозунги о чистоте расы и традиционных ценностях.

— Но работу может сделать для него любой идиот с улицы, специализирующийся на выслеживании неверных жен, — мрачно сказал Сергей.

Илюшин рассмеялся.

— Чтобы послезавтра желтая пресса пестрела заголовками о том, что рэпер Джоник, на всех углах твердящий о своей любви к блондинкам, — ревнивый гей? Опомнись, мой наивный друг. Любой идиот с улицы, к которому он обратится, первым делом совершит самый умный поступок в своей жизни и продаст эту информацию журналюгам.

— Какая жалость, что я не идиот, — пробормотал Бабкин.

Илюшин собирался съязвить, но на сей раз сдержался. Он прекрасно видел комическую сторону ситуации и не мог в глубине души не подсмеиваться над своим другом, принимавшим происходящее близко к сердцу. Сам Макар, обладая отстраненным холодным умом, рассматривал все это как анекдот. Но при этом он прекрасно понимал, что по самолюбию Сергея нанесен мощный удар.

Они оба были сыщики до мозга костей. Но Илюшин брался за очередное дело, потому что испытывал любопытство. Именно оно было движущей силой большинства его поступков. В другой жизни Макар Илюшин стал бы котом, а еще вернее — бродячей кошкой, шляющейся по крышам, помойкам и черным лестницам, ловящей одну мышь за другой не столько из-за голода, сколько из удовольствия поохотиться.

Бабкин в другой жизни стал бы псом. И не подзаборной дворнягой, а полноценным служебником: ротвейлером или русским терьером. Для овчарки он был слишком самостоятелен. Сергею и в голову не пришло бы сказать, что его привлекает идея преданности работе, он даже и не думал о себе в таких выражениях. Однако каждое удачное расследование он завершал с чувством удовлетворения не потому, что загадка была раскрыта, а потому что в глобальном смысле они с

Макаром восстановили справедливость. Дело сделано. Настоящее дело, о котором можно было говорить и думать с гордостью.

И вдруг — рэпер Джоник.

Самое неприятное заключалось в том, что этот мелкий поганец все продумал.

3

— Простая слезка ничего не даст, — растягивая слова, сообщил Джоник. — Я пробовал. Андрюша мой шифруется. Хуже этого... Штирлица. Но у меня есть одна догадка, с кем он связался. И тут все удачно складывается.

Когда Бабкин узнал, как именно все удачно складывается, его коротко стриженные волосы встали дыбом.

— Тусовка, — сказал Джоник. — Пати. Слёт уродов.

И, видя непонимание на лицах сыщиков, расшифровал:

— У Богдана в среду вечеринка. Он собирает друзей у себя в загородном доме. — При слове «друзей» по лицу Джоника пробежала такая усмешечка, что Бабкину стало не по себе. — Я тоже приглашен.

Макар поднял брови.

— Ага, — кивнул Джоник, заметив это движение. — Сам в шоке. Оглобля хочет перемирия. Ладно, я не злой. Будет ему перемирие.

Тут Бабкин начал кое-что припоминать. Даже до него доходили слухи о скандале между юным рэпером и Богданом Грегоровичем, королем поп-сцены, красавцем двухметрового роста, вспылчивым и капризным как ребенок. Кажется, началось с того, что Джоник то ли харкнул, то ли помочился на розовый лимузин Грегоровича. В ответ Грегорович прилюдно обозвал рэпера